

Б. Н. Тихомиров

«Я БЫ ВАМ РАССКАЗАЛ ПРО МАЛЬКОВА...»

**Достоевский, Кириллов и идеолог «богочеловеков»
Александр Маликов**

В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (Глава первая § III «Обособление») Достоевский по ходу изложения делает одно отступление, сообщая читателям: «<...> слышал я и еще на днях рассказ об одном новом слове: был некто „нигилистом“, отрицал, пострадал и, после долгих передраг и даже заточений, обрел в сердце своем вдруг религиозное чувство. Что ж, вы думаете, он тотчас сделал? Он мигом „уединился и обособился“, нашу христианскую веру тотчас же и тщательно обошел, всё это прежнее устранил и немедленно выдумал свою веру, тоже христианскую, но зато „свою собственную“. У него жена и дети. С женой он не живет, а дети в чужих руках. Он на днях бежал в Америку, очень может быть, чтоб проповедовать там новую веру. Одним словом, каждый сам по себе и каждый по-своему, и неужто они только оригинальничают, представляются? Вовсе нет. Нынче у нас момент скорее правдивый, чем рефлекторный. Многие, и, может быть, очень многие, действительно тоскуют и страдают; они в самом деле и серьезнейшим образом порвали все прежние связи и принуждены начинать сначала <...>» (22; 80-81).

В примечаниях ПСС это место оставлено без комментариев. Однако Достоевский говорит здесь о вполне реальном лице и дает ему достаточно точную и выразительную характеристику. В подготовительных материалах к мартовскому выпуску «Дневника писателя», записанных на отдельных листах, он называет и имя «нигилиста», выдумавшего «свою собственную веру»: «Слышал о Малькове» (22; 162). Упоминание это приобретает особую важность в связи с другой записью в рабочей тетради писателя 1875–1876 гг.: «Мне говорили, что Кириллов (персонаж «Бесов». — Б. Т.) не ясен. Я бы вам рассказал про Малькова.¹ Недоконченные типы. <...> Придавленные камнем из „Бесов“ и т. д.» (24; 163).

По беглому указанию В. А. Туниманова, сделанному в примечаниях к роману «Бесы», Достоевский имеет здесь в виду А. К. Маликова, выступившего с «новой религией „богочеловечества“» (12; 223) и претендовавшего

---

¹ В списке «Опечатки, исправления и дополнения к томам I-XXX₁», помещенном в последнем томе ПСС, сделано исправление: «Напечатано „Малькова“; следует читать „Маликова“», однако обращение к автографу не подтверждает это исправление. В придачу оно парадоксальным образом отнесено редакцией ПСС не к т. 24, где запись «Я бы вам рассказал про Малькова» опубликована, но к примечаниям В. А. Туниманова в т. 12, где она процитирована в подстрочном примечании (см.: 30₂; 414, ср. 421). Также см. примеч. 17.

стать религиозным реформатором.² Александр Капитонович Маликов (1839–1904)³ был идеологом кружка чайковцев (именуемого в исторической литературе по имени его организатора Н.В.Чайковского), который объединил молодых людей, отказавшихся от былого позитивизма и радикализма (члены кружка позиционировали себя как противники С.Г.Нечаева) и поставивших перед собой задачу «создать новую религию». В 1860-е гг. А.К.Маликов был причастен к кружку ишутинцев и после выстрела Каракозова арестован и сослан в Архангельскую губернию. В 1872 г. из Архангельска он переводится в Орел, где служит в управлении железных дорог. Находясь под полицейским надзором, Маликов активно участвует в подготовке «хождения в народ». В 1874 г. вместе с другими участниками кружка чайковцев он вновь арестован. Во время пребывания в Орле в мировоззрении А.К.Маликова совершается радикальный религиозный переворот.⁴ В.В.Зеньковский пишет: «Некто Маликов создал секту „богочеловеков“ (он проповедовал еще до Толстого „непротивление“), — и как раз к нему и отправился Чайковский, когда затосковал о религиозном обосновании своего народничества». Исследователь русской философии, характеризуя это течение, говорит об устремлениях «религиозной энергии в границах секуляризма. <...> ...именно „в границах секуляризма“, так как о приятии Церкви здесь не могло быть и речи»⁵. Показательно и позднее свидетельство последователя и соратника Маликова Н.В.Чайковского, который, не конкретизируя это положение, тем не менее настаивал, что «учение богочеловечества» христианству «прямо-таки противопоставлялось и по своему этическому содержанию, и по отношению к положительному, опытному знанию»⁶. «Прямое противопоставление христианству кажется мне выражением слишком сильным, — корректирует это утверждение В.Г.Короленко. — Несомненно, однако, что „богочеловечество“ было далеко от официальной церковности»⁷.

«Он верил, — пишет о Маликове другой автор, — что все революционеры и нигилисты откажутся от своей деятельности, как не достигаю-

² Позднее эта отмеченная самим Достоевским параллель: Кириллов / А.К.Маликов (со ссылкой на указание В.А.Туниманова) получила разработку в монографии: *Палерно И. Самоубийство как культурный институт*. М., 1999. С. 187-189. Характеристика Маликова, данная Достоевским в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., здесь не учтена.

³ Биографические сведения об А.К.Маликове см.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 492–493. Подробнее см.: *Фаресов А.И. Семидесятники: Очерки умственных и политических движений в России*. СПб., 1905. С. 291–331; *Короленко В.Г. История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 8 т.* М., 1953. Т. 8. С. 149–158.

⁴ Рассказывая об этой эпохе в жизни Маликова, В.Г.Короленко пишет: «...его почти внезапно охватило религиозное настроение: «еще за несколько дней (до переворота. — Б.Т.) один из чайковцев видел его в Орле в обычном тогда интеллигентском настроении. А через некоторое время застал его уже в полном экстазе, проповедующим „богочеловечество“» (Там же. С. 150).

⁵ *Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т.* Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 149.

⁶ *Вестник Европы*. 1905. № 5. С. 447–448.

⁷ *Короленко В.Г. Собр. соч.* Т. 8. С. 156 (подстрочное примечание). В другом месте Короленко отмечает в учении Маликова «осуждение существующего строя и официальной церковности» (Там же. С. 151).

щей цели, и сделаются богочеловеками»⁸ (ср. в черновом наброске у Достоевского: «<...> другой изобретает религию, проповедует нигилистам, бежит в Америку» — 24; 161). «То была проповедь какой-то гуманистической религии, почти апофеоз человека, — „все мы богочеловеки“. Это можно было протолковать и от Пьера Леру, и от Фейербаха. Но всего важнее в этой проповеди было непосредственное движение чувства, экзальтация взволнованной совести»⁹. Маликов вел «горячую проповедь о возрождении людей путем веры в то, что люди — боги, что стоит людям поверить в это (найти в себе бога, — как выражались тогда), и с них спадет кора всех порочных страстей и чувств, и они превратятся в непорочных агнцев, не способных ни на что злое, дурное. Мир быстро обновится, и на земле водворится земной рай»¹⁰.

Это, действительно, близко перекликается с тезисом героя «Бесов» инженера Кириллова: «Они [люди] нехороши, <...> потому что не знают, что они хороши. <...> Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого» (10; 189). Показательно, что на перекличку в этом пункте учения «богочеловеков» с тезисом Кириллова еще в 1929 г. указал Т. И. Полнер, который не мог знать свидетельства на этот счет самого Достоевского (впервые опубликованного только в 1971 г.¹¹). Этот же автор отметил, что «религиозные экстазы», занимавшие в теории и практике Маликова и его последователей (в частности, Чайковского) существенное место, «очень напоминают „минуты вечной гармонии“ у Кириллова»¹². Особую остроту этой близости придает тот факт, что роман «Бесы» был закончен Достоевским в 1872 г., а религиозный переворот в мировоззрении Маликова произошел лишь в феврале–марте 1874 г.¹³

В связи с указанием в тексте «Дневника писателя»: «Он на днях бежал в Америку» — отметим, что, действительно, осенью 1875 г. А. К. Маликов и другие «„богочеловеки“ эмигрировали в Америку в числе 15 человек и там в штате Канзас купили землю и устроили общину»¹⁴. «Религиозная коммуна» в Америке скоро распалась¹⁵, и в 1877 г. Маликов вернулся в Россию. Комментарий к словам Достоевского: «У него жена и дети. С женой он не живет, а дети в чужих руках» — находим в уже упомянутой «Истории

---

⁸ Пругавин А. Лев Толстой и «богочеловеки» // Русское богатство. 1911. № 8. С. 153.

⁹ Флоровский, Георгий, прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 295.

¹⁰ Фроленко М. Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 115. Формулировку «отыскать в человеке бога» приводит и Короленко (Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 150). Однако, согласно другим мемуаристам, скорее, по учению Маликова, человек должен найти в себе частицу Бога, ибо все люди «суть атомы общего нам Бога в человечестве» (Фаресов А. Семидесятники. С. 299).

¹¹ См.: Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. (Лит. наследство. Т. 83). М., 1971. С. 444.

¹² Полнер Т. И. Н. В. Чайковский и богочеловечество // Николай Васильевич Чайковский: Религиозные и общественные искания. Статьи М. А. Алданова, Е. К. Брешко-Брешковской, Дионео и др. Париж, 1929. С. 152.

¹³ См.: Фаресов А. Семидесятники. С. 296.

¹⁴ Пругавин А. Лев Толстой и «богочеловеки». С. 152.

¹⁵ См. рассказ об этом со слов самого Маликова: Фаресов А. И. Семидесятники. С. 304–323; также см.: Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 151–153.

моего современника» В. Г. Короленко, который вспоминает о Маликове: «С первой женой он разошелся, сохранив, впрочем, дружеские отношения. Она, по-видимому, не могла примириться с цыганством мужа и рассталась с ним, полюбив одного из его друзей и взяв с собой дочь»¹⁶.

О личности и учении идеолога «богочеловеков» Достоевский, очевидно, узнал от К. П. Победоносцева¹⁷, который в 1860–1870-е гг. и позднее оказывал Маликову покровительство как своему бывшему студенту в Московском университете и состоял с ним в переписке.¹⁸ По-видимому, в том числе и Маликов имел в виду Достоевский, когда в 1879 г. писал Н. А. Любимову: «В „Бесах“ было множество лиц, за которые меня укоряли как за фантастические, потом же, верите ли, они все оправдались действительностью, стало быть, верно были угаданы. Мне передавал, например, К. П. Победоносцев о двух, трех случаях из задержанных анархистов, которые поразительно были схожи с изображенными мною в „Бесах“» (30₁; 63–64).

Небезынтересно отметить, что 2 апреля 1878 г. Достоевский и Маликов одновременно присутствовали и могли встретиться на последней, двенадцатой лекции Вл. С. Соловьева «О Богочеловечестве» в Соляном городке.¹⁹

Разнесенные в ПСС по разным томам, записи «Мне говорили, что Кириллов не ясен. Я бы вам рассказал про Малькова» (24; 163) и «Слышал о Малькове» (22; 162) сделаны почти одновременно — в марте 1876 г. Очевидно, что набросок с упоминанием героя «Бесов», находящийся в записной тетради 1875–1876 гг., предшествует лаконичной фиксации материала: «Слышал о Малькове», вошедшей в состав обобщенного конспекта содержания мартовской книжки «Дневника писателя» за 1876 г., записанного на отдельном листке.²⁰ В известном смысле намерение Достоевского, вы-

¹⁶ Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 154. Впрочем, Фаресов, напротив, сообщает, что в 1873–1874 гг., когда жена Маликова, молодая женщина из крестьянской семьи, училась в Петербурге на фельдшерских курсах, дети находились с отцом в Орле (Фаресов А. И. Семидесятники. С. 296). Разрыв, по-видимому, совершился перед и в связи с отъездом «богочеловеков» в конце 1875 г. в Америку, где Маликов в коммуне уже жил с новой женой — К. С. Пругавиной (сестрой А. С. Пругавина — публициста-народника, исследователя русского раскола).

¹⁷ Скорее всего, неверное отражение в записях Достоевского фамилии А. К. Маликова связано с тем, что, почерпнув информацию о нем из устных рассказов Победоносцева, он, видимо, услышал его фамилию как *Мальков* — с ударением на первом слоге и сильной редукцией второго.

¹⁸ См.: Полнер Т. И. Н. В. Чайковский и богочеловечество. С. 111–113. Также см. свидетельство Короленко, согласно которому переписка с Победоносцевым началась еще в первой половине 1860-х гг., вскоре после окончания Маликовым университета, когда он служил судебным следователем в Калужской губернии. «Порой со стороны Маликова переписка принимала довольно шероховатые полемические формы, но Победоносцев не переставал следить за судьбой своего строптивого корреспондента» (Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 157–158).

¹⁹ Флоровский, Георгий, прот. Пути русского богословия. С. 556; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1995. Т. 3. С. 265.

²⁰ Ср. окружающие записи: «Слышал о старушке. <...> Слышал о молод<ом> человеке, идущем против спиритизма (и даже видел его). С другой стороны, слышал об одной церкви в Англии» (22; 162). Здесь намечен материал нескольких главок мартовского выпуска: «Столетняя», «Словцо об отчете ученой комиссии о спиритических явлениях» и «Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки „начала конца“». Стоит отметить, что о «церкви атеистов» в Англии сообщил Достоевскому тот же К. П. Победоносцев.

раженное в первой из записей: «Я бы вам рассказал про Малькова», — как раз и осуществлено в процитированном в начале статьи фрагменте из главы «Обособление». Однако лишь в известном смысле. Так как этот материал вошел в «Дневник писателя» без каких бы то ни было связей с Кирилловым. Представляется, что это далеко не случайно.

Выше были отмечены точки сближения в учениях Маликова и Кириллова. В некоторых отдельных положениях эта близость, действительно, производит сильное впечатление (задача обрести бога в самом себе; откровение о том, что «все хороши»; преображение земли, водворение земного рая как следствие личных религиозно-нравственных усилий). Есть у Маликова и Кириллова, помимо идеологических переключек, и еще одна общая нравственно-психологическая черта, которую Достоевский считал *общенациональной*. В черновом наброске неосуществленного «Предисловия» к отдельному изданию «Бесов» он писал: «В Кириллове народная идея — сейчас же жертвовать собою для правды. <...> Жертвовать собою и всем для правды — вот национальная черта поколения» (11; 303). Бесспорно, сказанное здесь о Кириллове в полной мере можно отнести и к Маликову.

Однако по своей глубинной сути маликовская оптимистическая религия «богочеловечества» очень далека от «трагического атеизма» Кириллова. По учению Маликова, люди — боги, потому что они созданы Творцом «по образу и подобию Божию»: «Все нам одинаково Он вдохнул Свою душу и сделал нас богочеловеками», — учил Маликов.²¹ Как это непохоже на трагический «надрыв» Кириллова, как камнем²² придавленного идеей, что «местоположение Бога оказалось пустым»²³, который *обязан* стать богом («вакантное место занять»), как он говорит в одной из черновых редакций, — 12; 80), так как иначе вся планета — это «дьяволов водевиль» (10; 471).²⁴

---

²¹ Фаресов А. И. Семидесятники. С. 298-299. Суть совершившегося с ним религиозного обращения Маликов выражал так: «Бог вдохнул в меня свою душу, и мне стало ясно назначение человека» (Там же. С. 298). В этой связи довольно странным, противоречащим собственным наблюдениям автора представляется итоговый вывод И. Паперно: «В целом история Маликова подтверждала в глазах Достоевского правоту его выкладки: если нет Бога и нет бессмертия души, человек ставит себя на место Бога» (Паперно И. Самоубийство как культурный институт. С. 189).

²² Отметим, что набросок в записной тетради 1875–1876 гг. ценен и тем, что образ человека, придавленного идеей, как камнем, который в печатном тексте «Бесов» применен к Шатову, здесь отнесен также и к Кириллову («Придавленные камнем из „Бесов“»). Эта авторская характеристика приобретает особую актуальность после появления в последнее время работ, где учение Кириллова рассматривается как сокровенное религиозное верование самого Достоевского (см., например: *Евлампиев И. И. Личность и Бог. Случай Кириллова // Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках: Русская философия в поисках абсолюта*. СПб., 2000. Т. 1. С. 136-154, особ. 140, 141).

²³ Выражение М. Хайдеггера. Именно к Кириллову, прежде чем к кому либо иному из героев Достоевского, приложима тютчевская строка из стихотворения «Наш век» (1851): «Безверием палим и иссушен».

²⁴ Ср.: «Не в силах вынести отсутствия Бога, Кириллов пытается заполнить пустоту, поставив на место Бога — человека, самого себя» (Паперно И. Самоубийство как культурный институт. С. 181).

Маликов, судя по всему, мыслил себя прежде всего как религиозный реформатор и проповедник, но в нем отнюдь не было сознания своей личной, исключительной «метафизической» миссии, тем более не было установки стать «новым Христом». Он лишь учил, что «не в науке и не в политической организации наше спасение, а в союзе человека с человеком во имя Христа»²⁵. «Большая идея» Кириллова, главный нерв которой — острое переживание «неудачи» сотериологической миссии евангельского Христа (см.: 10; 471), Маликову вполне чужда.²⁶ Поэтому и близко он не подходит к центральному пункту «человекобожества» Кириллова — неотменимой необходимости самоубийства как средства исполнения этой миссии. «...Я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. <...> Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически»²⁷, — экстатически восклицает герой «Бесов» (10; 471-472).

«Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм — реальнее ихнего. Господи! Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавает. <...> Ихним реализмом — сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты. Случалось» (28₂; 329) — писал Достоевский 11 / 23 декабря 1868 г. А. Н. Майкову из Флоренции. Автор «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов» очень дорожил случаями, когда факты «текущей действительности», казалось бы, подтверждали достоверность «фантастических» сюжетов и «фантастических» героев его произведений. Познакомившись с личностью и учением Маликова, он, по-видимому, загорелся идеей на этом примере продемонстрировать читателям «Дневника писателя» сказанное ранее в частном письме Страхову: «А мы нашим идеализмом пророчили даже факты. Случалось». Очевидно, однако, что даже первоначальные попытки осуществить это намерение должны были открыть Достоевскому невозможность, несмотря на некоторые моменты близости, «разъяснить» его Кириллова через феномен Маликова.²⁸ О Кириллове писатель вполне мог бы сказать теми же словами, какими пятью годами позже скажет о Иване Карамазове: «И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и не было» (27; 86). В образе этого

---

²⁵ Фаресов А. И. Семидесятники. С. 297.

²⁶ «Небеса со всеми тайнами и Творцом вселенной останутся в том же величии и недоступности, в которой пребывают до сих пор, — комментировал свое учение Маликов, — но мы пойдем свои обязанности здесь, на земле» (Там же. С. 298). Показательно, что в начале 1880-х гг. Маликов вполне органично и радостно вернулся в лоно ортодоксального православия. В случае Кириллова такая возможность абсолютно исключена.

²⁷ Это, конечно же, аллюзия на евангельские слова Христа: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется...» (Ин. 10: 9).

²⁸ Напомню еще раз запись Достоевского из рабочей тетради 1875–1876 гг.: «Мне говорили, что Кириллов не ясен. Я бы вам рассказал про Малькова».

героя «Бесов» глубоко и остро Достоевский, гениальный художник и мыслитель, разрабатывает, пусть и с чужой смысловой позиции, *свою* религиозную диалектику. Конечно же, рядом с Кирилловым — этим «трагическим атеистом», бесконечно проблематизировавшим и углубившим в своем «человекобожестве» «прежний атеизм»²⁹, рядом с этим «метафизическим Дон Кихотом»³⁰ — Маликов, автор учения о «богочеловеках», выглядит каким-то сентиментальным, мечтательным идеологом-кустарем.

Достоевский должен был это очень скоро понять и отказаться от попытки развернуть на страницах своего моножурнала параллель *Маликов — Кириллов*. 16 марта 1876 г. он получает письмо от Н. П. Петерсона и принимает решение обширную выдержку из него, сопровождаемую своим комментарием, положить в основу § III «Обособление» Главы первой мартовского выпуска «Дневника писателя». В результате история Маликова, рассказанная в этой же главке, попадает в совершенно иной контекст: никаких намеков на близость с героем романа «Бесы» нет не только в тексте, но и в подтексте. Учение Маликова характеризуется предельно обобщенно: «немедленно выдумал свою веру, тоже христианскую, но „свою собственную“» — и только. Нет здесь упоминания «богочеловеков», духовной задачи «найти в себе бога» и проч. Все связи с Кирилловым полностью обрублены. Общее между ним и анонимным «нигилистом» из «Обособления» просматривается теперь только в аспекте принадлежности к одному поколению русской интеллигенции, которое, по характеристике Короленко, «было выкинуто на раздорожье» и вынуждено самостоятельно искать истину вне христианской Церкви и вне связи со своим народом.³¹

Впрочем, к обоим равно может быть отнесена и та обобщающая характеристика поколения, которой Достоевский завершает пассаж об анонимном «нигилисте» в «Дневнике писателя»: «Одним словом, каждый сам по себе и каждый по-своему, и неужто они только оригинальничают, представляются? Вовсе нет. Нынче у нас момент скорее правдивый, чем рефлекторный. Многие, и, может быть, очень многие, действительно тоскуют и страдают; они в самом деле и серьезнейшим образом порвали все прежние связи и принуждены начинать сначала...» Эта отмеченная здесь «действительная тоска» — та самая, о которой говорил еще князь Мышкин в салоне Епанчиных, объясняя ею самые разнообразные религи-

---

²⁹ См. в черновой редакции: «Я не понимаю прежнего атеиста, не понимаю, как мог он сознать, что нет Бога и не убить себя тотчас же» (РГБ. Ф. 93. I, 3 / 14. Л. 2 об.; ср.: 12; 81).

³⁰ Напомню характеристику Кириллова, данную Бердяевым: «Идея человекобога, явленная Кирилловым в ее чистой духовности, есть момент в гениальной диалектике Достоевского о человеке и его пути. <...> У Достоевского не было бесповоротно отрицательного отношения к Кириллову как к выразителю антихристового начала. Путь Кириллова — путь героического духа, побеждающего всякий страх, устремленного к горней свободе. <...> У Достоевского совсем не было желания прочесть мораль о том, как плохо стремиться к человекобожеству. У него всегда дана имманентная диалектика. Кириллов — антропологический эксперимент в чистом горном воздухе» (Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 2. С. 169).

³¹ См.: Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 152-153.

озные уклонения русского человека, пронизательно указывая, что и русские атеисты, и русские нигилисты, и русские иезуиты, и те, «образованнейшие люди», которые «в хлыстовщину даже пускались», — «не из одного ведь тщеславия, не всё ведь от одних скверных тщеславных чувств происходят <...> а и из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу, по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда ее и не знали!» (8; 452, 453) «...Вот до чего доходила тоска!» (8; 453) — завершает свой монолог Мышкин. И несомненно, этой же русской тоской (пусть с метафизическим акцентом в одном случае, с социально-нравственным — в другом) в полной мере страдали и герой романа «Бесы» Алексей Нилович Кириллов, и организатор секты «богочеловеков» Александр Капитонович Маликов.^{32*}

---

³² Показательно, что Г. В. Флоровский, охарактеризовав учение Маликова как «голос смятенного сердца», именно вслед за этим непосредственно обращается в своем исследовании к творчеству Достоевского, который «сумел назвать тайну своей современности, распознал еще не высказанную религиозную тоску» (Флоровский, *Георгий, прот.* Пути русского богословия. С. 295).

* Настоящее исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 07-0400475а.